

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДЫ» КАК КАНАЛ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ИСТОРИОГРАФОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1960–1980-х гг.

Рассматривается проблема влияния научной коммуникации на формирование дисциплинарного сообщества историографов. На материале советской исторической науки показана роль «историографических сред» как специфической формы научной коммуникации в складывании советского историографического сообщества в 1960–1980-х гг. «Историографические среды» представляли собой заседания-обсуждения историографических докладов, которые проходили на базе Института истории Академии наук СССР. В «средах» принимали участие столичные и провинциальные ученые, представляющие различные дисциплинарные поля, взаимодействие между которыми способствовало производству историографического знания.

Ключевые слова: история исторической науки; «историографический ренессанс»; «историографическая среда»; Институт истории Академии наук СССР; научная коммуникация.

В середине XX в. в советской исторической науке начинается процесс «возрождения» историографии как научной дисциплины. После длительного «забвения» историография возвращается в семейство исторических наук. На базе Института истории Академии наук (АН СССР) возникают Комиссия по истории исторической науки, Научный совет по проблеме «История исторической науки», Группа (а позднее – Сектор) по изучению истории исторической науки, деятельность которых была нацелена на институциональное развитие историографии, важнейшим аспектом которого, бесспорно, стало складывание научного сообщества историографов.

Научное сообщество как важнейший институциональный элемент науки характеризуется несколькими признаками, а именно общностью научных интересов, наличием единых стандартов профессионального поведения, наличием единых содержательных когнитивных установок [1. С. 422; 2]. На наш взгляд, к перечисленному необходимо добавить еще один признак – наличие научной коммуникации между акторами (учеными и их коллективами, организационными структурами разного масштаба и ранга). В отечественном науковедении считается, что «одной из ведущих характеристик науки является ее коммуникативная природа» [3]. В свою очередь, под научной коммуникацией понимается «совокупность знаковых средств, технических устройств и организационных структур, при посредстве которых происходит распространение и накопление информации о результатах исследований, а также ее преобразование в достоверное и практически полезное знание» [4. С. 88]. Ученые как акторы коммуникации вынуждены считаться с мнениями коллег, выстраивать свое поведение по определенным внутренним нормам образам, а также «производить» новое знание в соответствии со сложившимися и утвердившимися когнитивными установками, которые транслируются и поддерживаются сообществом. Иными словами, «состояние научной коммуникации (широта, напряженность, интенсивность) определяет жизнеспособность научного сообщества, непосредственно отражается на уровне эффективности научных исследований» [5. С. 292].

В имеющихся историко-научных исследованиях коммуникация рассматривается по преимуществу как

результат деятельности научного сообщества в процессе производства научного знания. Нам же представляется интересным ракурс рассмотрения научной коммуникации как фактора формирования сообщества ученых. В связи с этим в предлагаемом исследовании предпринята попытка проследить влияние такой формы научной коммуникации, как «историографические среды» на складывание научного сообщества историографов в советской исторической науке в 1960–1980-е гг.

Основной массив использованных нами источников составляют неопубликованные делопроизводственные документы, включающие стенограммы заседаний, отчеты, планы работ Комиссии по истории исторической науки, Группы по истории исторической науки, Научного совета по проблеме «История исторической науки». Эти материалы хранятся в Научном архиве Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН), но документы по деятельности Научного совета, хранящиеся в этом архиве, не обработаны. Во время работы в архиве ИРИ РАН нам предоставили несколько объемистых папок со стенограммами заседаний – «историографических сред» разных годов. Очевидно, что это далеко не все стенографические материалы, однако судьба остальных неизвестна. В личной беседе сотрудница Центра «Историческая наука России» ИРИ РАН проф. Л.А. Сидорова сообщила нам, что возможной причиной утраты документов может быть затопление книгохранилища. Естественно, эти обстоятельства затрудняют исследование интересующей нас проблемы. Вопрос о частоте заседаний остается важным, поскольку свидетельствует о степени влияния «историографических сред» на складывание научного сообщества историографов, но до конца не проясненным. Как отмечает исследовательница К.П. Яркова, «поначалу предполагалось проводить их в первую среду каждого месяца, но впоследствии этот график был изменен и “среды” собирались, как правило, раз в два месяца» [6. С. 67]. Так, из отчетов Группы по изучению истории исторической науки (а с 1967 г. – Сектора) известно, что в 1962 г. на «средах» было заслушано пять докладов [7. Л. 27], в 1963 г. – шесть [8. Л. 87], в 1965 г. – пять [9. Л. 34], в 1966 г. – семь [10. Л. 302], в 1967 г. – четыре [11. Л. 264]. Информация по количе-

ству сообщений на заседаниях в 1964 г. в Отчете отсутствует. Также необходимо иметь в виду, что количество докладов не прямо пропорционально количеству заседаний, поскольку на одной «среде» могло быть заслушано несколько докладов.

Все же архивные материалы не позволяют установить какую-либо закономерность проведения заседаний, что связано со спецификой и состоянием источников, а также с перерывом в проведении «историографических сред». Из Справки о деятельности Научного совета за период 1973–1978 гг. известно, что «среды» возобновили работу в конце 1977 г. [11. Л. 190–226]. Возникает вопрос, когда же была приостановлена их деятельность? И с чем это связано? В указанной Справке не содержатся ни ответ на данный вопрос, ни упоминания о «средах» вплоть до конца 1977 г., ясно, что этот процесс начался до 1973 г. Известно, что в 1967 г. «среды» проводились, информация же после отсутствует. Значит, работа заседаний была приостановлена в промежутке между 1968–1972 гг. и концом 1977 г.

Также в качестве источников нами были использованы документы личного происхождения (опубликованные дневники М.В. Нечкиной и воспоминания участника заседания – Д.П. Урсу).

«Историографические среды» представляли собой заседания с обсуждением докладов на историографические темы с участием столичных и провинциальных представителей академической и вузовской науки и призваны были стать интегрирующей площадкой для ученых, интересующихся историографическими сюжетами. Отчеты упомянутых институций не содержат упоминаний о том, когда же состоялась первая «среда». Возможно, данное обстоятельство связано не только с состоянием источников, но и с неформальной природой этих заседаний на первых порах. В дневниках М.В. Нечкиной сохранилась следующая запись: «Готовить устное выступление на первой историографической среде 4 января 1960 г. – по вопросу «Предмет и метод истории исторической науки (историографии)»... Подготовила, выступала 4 января 1961 г.» [12. С. 122]. Можно заметить расхождение в датах намеченного и реального заседания, которое не вызвано какими-то таинственными обстоятельствами, а является всего лишь опiskeй в дневниках. Наше предположение подтверждает стенограмма заседания, датированная 4 января 1961 г. На первой «среде» выступили видные столичные ученые, которые к этому времени уже проявили интерес к историографической тематике: И.С. Галкин, А.М. Сахаров, Р.А. Киреева, М.А. Алпатов, В.Е. Иллерицкий, С.С. Дмитриев, И.М. Краснов, Е.А. Луцкий, Е.В. Гутнова, К.Н. Тарновский, Е.Н. Городецкий, Г.Д. Алексеева, С.О. Шмидт, И.С. Смирнов, С.И. Якубовская, В.П. Данилов [13. Л. 159]. Названные ученые принимали участие в подготовке очередного тома «Очерков истории исторической науки в СССР», в публичном обсуждении на страницах «Истории СССР» периодизации истории советской исторической науки.

В дальнейшем в работе заседаний будут принимать участие и провинциальные ученые. Сохранилось воспоминание преподавателя Одесского университе-

та, африканиста Д.П. Урсу о своем выступлении на «среде» 28 мая 1980 г. Историк прочитал доклад, посвященный применению количественных методов в историографии. Как он сам отмечает, причиной выступления на «историографической среде» было намерение ознакомить широкую научную общественность с результатами докторского исследования [14. С. 101]. Причем апробация в среде специалистов Института Африки АН СССР была недостаточна для исследователя, так как он «хотел большего – сказать новое слово в историографии вообще, безотносительно к конкретным географическим, хронологическим или тематическим координатам». В качестве коммуникативной площадки, позволяющей широко презентовать свои научные достижения, историком были выбраны «историографические среды». Далее через знакомого историка Д.П. Урсу передал статью Е.Н. Городецкому (заместителю руководителя Научного совета по проблеме «История исторической науки» М.В. Нечкиной), который посчитал, «что она должна быть предметом доклада на очередной среде», но с некоторыми дополнениями: Е.Н. Городецкий посоветовал «указать на Нечкину как на первооткрывателя некоторых вопросов» [Там же]. Приведенный пример свидетельствует о функционировании научного сообщества историографов со своими правилами поведения (ссылка на М.В. Нечкину как на научный авторитет; процедура одобрения темы доклада) и когнитивными установками (обращение к теоретическим проблемам историографии и науковедения) в рамках конкретной формы научной коммуникации – «историографическая среда», которая за два десятилетия трансформировалась от «академического кружка» в начале 1960-х гг. до научного мероприятия высокого статуса в 1980-е гг.

«Историографические среды» как коммуникативная площадка обладали интегративностью, которая проявилась в том числе и в широком спектре поднимаемых проблем. По тематическому содержанию можно выделить несколько групп докладов. Первую составляли теоретико-методологические сюжеты, которые со временем также претерпевали изменения. Если в начале 1960-х гг. на волне оттепельного тренда увеличения интереса к ленинскому наследию преобладали доклады, посвященные пересмотру теоретических воззрений В.И. Ленина, то со второй половины 1970-х гг. акцент делается на сугубо науковедческих аспектах. Предполагаем, что возможные причины «поворота» связаны с взлетом мирового науковедения, а также с образовавшейся после ликвидации в 1970 г. Сектора методологии истории институциональной лакуной в разработке методологических проблем.

Вторая группа докладов посвящалась истории советской исторической науки и историографии советского общества. Интерес изучения историографии советского периода в 1960-е гг. был вызван подготовкой последних томов «Очерков истории исторической науки». К концу 1970-х гг. наблюдается снижение интереса к данной проблеме. Так, из девяти запланированных на 1978 г. выступлений только один доклад В.Д. Поликарпова о первом этапе Гражданской войны освещал советский период [11. Л. 37].

К следующей группе нами отнесены доклады, посвященные русской дореволюционной историографии в разных ракурсах: периоды, историки и их методологические подходы. На «средах» поднимались проблемы не только отечественной, но и зарубежной историографии. В 1960-е гг. было только одно выступление на эту тему. В 1978 г. планировались доклады о состоянии историографической работы в ГДР (М.Н. Машкин) и о концепциях современной китайской историографии, обосновывающие территориальные претензии КНР к СССР (Б.П. Гуревич) [11. Л. 37].

Мы видим, что «историографические среды» становятся формой коммуникации специалистов разных областей исторической науки, которых объединяет интерес к историографическим проблемам.

С точки зрения организации заседаний «историографические среды» проходили по единому сценарию: сначала председатель приветствовал участников, затем выступление докладчика, далее присутствующие задавали ему вопросы, после же переходили к обсуждению / прениям, завершалась работа ответным словом докладчика и подводящей итоги речью председателя. Сфокусируем свое внимание на одном из заседаний, состоявшемся 11 апреля 1962 г. Такой микроисторический ракурс дает возможность плотно описать интересующий нас феномен конкретной коммуникативной площадки.

На повестке дня апрельской «среды» стоял доклад саратовского историка М.С. Персова «Пропаганда исторического опыта буржуазных революций в работах В.И. Ленина» [15. Л. 1].

Заседание открывает председатель, которым, кстати, был М.А. Алпатов, а не М.В. Нечкина, выбравшая в данном случае роль эксперта. Далее следовал этап заслушивания доклада. К сожалению, у нас нет текста самого доклада, так как на заседании он не стенографировался и в архиве не сохранилась его копия. По окончании выступления председатель спросил, есть ли вопросы у присутствующих. Вопросов не оказалось, и «среда» вступила в стадию обсуждения доклада. Первым взял слово Б.Г. Вебер. Прежде всего, историк отметил актуальность затронутой проблемы, но обратил внимание на не сводимость актуальности к политическим запросам: «Докладчику следовало бы пойти несколько дальше в смысле того, чтобы сделать шаг от политического анализа к углубленному историографическому анализу», – делает замечание историк и следом дополняет: «Некоторые моменты даны, но пока еще слишком схематично и несколько упрощенно» [Там же. Л. 2]. Б.Г. Вебер высказал свое несогласие с некоторыми трактовками докладчика относительно проблемы места масс в буржуазной революции в концепции В.И. Ленина.

Следующей взяла слово М.В. Нечкина. Она указала на отсутствие историографического подхода при анализе проблемы: «Здесь есть основания предъявить большой серьезный счет докладчику» [Там же. Л. 5]. Но в отличие от Б.Г. Вебера, который достаточно мягко критиковал доклад, Милица Васильевна ревностно подошла к вопросу о применении историографического подхода. По словам М.В. Нечкиной, при исследовании проблемы «Ленин как историк» просто

необходимо выйти «за пределы собрания сочинений Ленина». В упрек автору было поставлено то, что он игнорировал предшественников, которые уже изучали тему: «Вы забыли такого историка, как Б.Ф. Поршнев. Вы его критиковали, но не заметили его как предшественника. А он очень много сделал в этой области. Это лежит в обязанности каждого докладчика, показать, что в данном направлении сделано до него. Тогда нам интересно его (докладчика. – В.Г.) увидеть в ряду других предшественников и что им сделано» [15. Л. 7]. Непреложный элемент современного канона историописания, предполагающий наличие историографического обзора темы, в начале 1960-х гг. был реанимирован после долгого забвения, связанного с самодостаточностью классиков как в политике, так и в исторической науке. Назрела необходимость обучить советских историков так называемому историографическому подходу и тем самым сформировать когнитивные исследовательские установки у ученых-историографов. В этом деле Милица Васильевна решила использовать даже анекдот. «Какая разница между мертвецом и предшественником?» – спрашивает историк и отвечает: «О мертвце говорят или хорошее, или ничего, а о предшественнике или ничего, или плохое. Нам надо придерживаться этого анекдота» [Там же]. Вряд ли это удачная метафора, скорее это возвращение к историографическому канону предшествующих десятилетий. В завершении выступления Милица Васильевна делится с присутствующими своими размышлениями относительно направления изучения ленинского наследия, которое должно идти вглубь его «источниковедческого анализа».

Следующим к трибуне вышел М.Я. Гефтер. Историк положительно оценил доклад в сравнении со сложившейся практикой: подмена историографического изучения Ленина «необходимым количеством цитат на исторические темы» [15. Л. 9]. М.Я. Гефтер соглашается с замечаниями, сделанными в предыдущих выступлениях, относительно историографического подхода, но его больше интересуют проблемы, возникающие в связи с рассмотренным в докладе сюжетом, т.е. осмысление опыта буржуазных революций. По существу, речь идет о важной функции проблемной историографии – ее когнитивном потенциале в осмыслении конкретной проблематики и очерчивании новых проблемных полей. Историк рефлексировал, указывая на необходимость дискуссий по некоторым проблемам. На этом выступлении по докладу завершились.

Видимо, выступающие ознакомились с текстом доклада заранее, так как М.Я. Гефтер зачитывал (в стенограмме зафиксировано «читает») выдержки из В.И. Ленина для аргументации своих тезисов. Наш тезис косвенно подтверждают воспоминания о «среде» 28 мая 1980 г. Д.П. Урсу, который сетует: «Мой доклад, как мне показалось, аудитория слушала невнимательно, так как с его текстом те, кто собирался выступить, давно познакомились» [14. С. 104]. Традиционно экспертами на заседаниях выступали специалисты в данной области. Так, на «среде» 1962 г. свои замечания выразили Б.Г. Вебер, занимающийся историей Французской революции; М.В. Нечкина, исследующая революционную ситуацию в России во

второй половине XIX в., и представитель «нового направления» М.Я. Гефтер, в центре внимания которого были исторические взгляды В.И. Ленина. Выступающие сошлись во мнении, что главный недочет работы М.С. Персова состоял в отсутствии историографического подхода.

После выступления М.Я. Гефтера слово взял докладчик. М.С. Персов болезненно воспринял критику. Он сразу же согласился с замечаниями по поводу отсутствия анализа взглядов своих предшественников, и чтобы себя реабилитировать стал по поводу и без повода ссылаться на них. Историк не принял замечания относительно отсутствия в докладе историографической проблематики: «Видимо, мы друг друга не поняли. Может быть, я действительно неправильно сделал, что адресовался в группу по истории исторической науки. Но то, что поставили передо мной (в качестве нормы историографического анализа. – В.Г.) я считаю себя, да и других неспособных выполнить эту задачу» [15. Л. 16]. Последнее следует рассматривать как ответ на упрек М.В. Нечкиной о том, что В.И. Ленин как историк оказался исключенным из историографического контекста. Докладчик же трактовал это замечание как необходимость «установить, как рассматривал вопрос Ленин в атмосфере науки» как отечественной, так и всемирной. Такая реакция докладчика на замечания подтверждает тот факт, что историографический стиль мышления только предстояло сформировать.

Завершается заседание речью председателя. М.А. Алпатов попытался разрядить атмосферу словами: «Вы обиделись на то, что мы предъявили к Вам непомерные требования. Но я не так понял М.В., как понял Вы» [Там же. Л. 24]. Далее поясняет, что от докладчика не требовалось «поднять всю мировую историографию», нужно было сравнить взгляды В.И. Ленина с предшественниками, хотя бы с К. Марксом и Ф. Энгельсом. А заканчивается «среда» словами председателя: «...нам было бы неприятно и горько, если бы Вы ушли от нас с какой-то обидой» [Там же. Л. 25].

«Среды» представляли собой форму коммуникации, для которой характерны привычные для конференции поведенческие нормы и стратегии. Именно так и воспринимались заседания. Например, упомянутый уже Д.П. Урсу вспоминает: «...на деле это была настоящая научная конференция, собравшая не только московских историков. Зал заседаний Института истории СССР в здании на улице Дмитрия Ульянова был заполнен» [14. С. 99]. Однако отличие от конференции заключалось в количестве докладов (на «средах» не больше двух), разнообразии тем выступлений (от методологических вопросов до конкретно-историографических) и регулярности их проведения (несколько раз в год) и несменяемости локализации

коммуникативной площадки (в Институте истории АН СССР).

Интересно понимание «историографических сред» их организатором Милицей Васильевной «как своеобразной лаборатории для дальнейшей разработки методологических вопросов историографии, как научного форума, способного выявить лакуны в изучении проблем истории исторической науки, поощрять новые творческие замыслы историографов» [11. Л. 218]. На характер заседаний повлияла тонкая натура М.В. Нечкиной. Это проявилось и в названии заседания – «историографическая среда», которое имело двойное значение (среда – день и среда – пространство) и выходило за рамки академической лексики, и в создании особой психологической атмосферы (в камерной обстановке представители академической и вузовской, столичной и провинциальной науки вместе решали научные проблемы, обменивались мнениями). В обозначенном ракурсе можно увидеть аллюзию «сред» с дореволюционными «журфиксами» в университетской среде, когда в фиксированный день недели преподаватели устраивали у себя дома семинары. Возможно, эта аналогия была проявлением академической памяти, однако это предположение нуждается в отдельном исследовании. Атмосфера узкого круга единомышленников, созданная на «историографических средах», работала на более глубокое проникновение когнитивных установок историографического мышления. Но организаторам заседаний удалось установить связь между камерностью «сред» и трансляцией полученного на них знания внутри всего складывающегося научного сообщества. Этим мостом стал сборник «История и историки», к публикации в котором рекомендовали наиболее значимые доклады, заслушанные на «историографических средах».

Безусловно, «историографические среды» не являлись единственным или основным каналом научной коммуникации складывающегося историографического сообщества в 1960–1980-е гг., в этот период прошло несколько крупных историографических конференций, организовывалось обсуждение дискуссионных сюжетов на страницах научной периодики, которые, в отличие от заседаний – «сред», имели широкую научную направленность. Но «историографические среды» обладали такими специфическими свойствами, как разноплановость историографических проблем, универсальность формы, относительная регулярность и высокий профессиональный уровень организации, камерность атмосферы, что в совокупности, с одной стороны, оказывало точечное воздействие на складывание когнитивных ценностей, а с другой – способствовало их более глубокому усвоению представителями историографического сообщества – складывалась интеллектуальная сеть единомышленников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки : учеб. М., 2005.
2. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm> (дата обращения: 11.01.2017).
3. Бондарев В.П., Бойченко О.В. Структура и функционирование научного коллектива (коммуникативный аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 80–97.
4. Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков : сб. ст. Челябинск, 2011. С. 290–302.

5. Яркова К.П. Научный совет «История исторической науки» Отделения истории Академии наук СССР (1958–1985): возникновение, деятельность, итоги : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007.
6. Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1859.
7. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1871.
8. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2095.
9. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2206.
10. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2311.
11. Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1820. Оп. 1. Д. 369.
12. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 119–137.
13. АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 368.
14. Урсу Д.П. Историография как точная наука // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип. 10. С. 99–137.
15. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. «Стенограмма Заседания Группы по истории исторической науки от 11 апреля 1962».

Статья представлена научной редакцией «История» 28 февраля 2017 г.

“ISTORIOGRAFICHESKIE SREDY” AS A CHANNEL FORMING THE ACADEMIC COMMUNITY OF HISTORIOGRAPHERS IN THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE IN THE 1960S–1980S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 49–53.

DOI: 10.17223/15617793/417/7

Viktoriya S. Gruzdinskaya, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E –mail: vik11910314@yandex.ru

Keywords: history of historical science; “historiographical renaissance”; “istoriograficheskaya sreda”; Institute of History of USSR Academy of Sciences USSR; academic communication.

The purpose of the present article is to identify the influence of “istoriograficheskie sredy” as a communication form on forming historiographers’ academic community in the Soviet historical science in the 1960s–1980s. “Istoriograficheskie sredy” are were meetings where historians discussed historiography research papers. They took place in the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. In the research, the author used office documents as sources. They are shorthand records, accounts, working plans of the Commission on the History of the Historical Science, the Group on the History of the Historical Science, the Academic Council on the issue “The history of the historical science”. These sources are kept in the Scientific Archive of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. The work with shorthand records was difficult. Firstly, these documents belong to the unsystematized part of archive materials. Secondly, only a few shorthand records were preserved. The author found out that the possible reason for this might have been a flood in the archive. The state of the sources prevents researches from studying the question of how often “sredy” were organized. The methodological part of this research is based on the institutional approach. The author states that in the soviet historical science the process of institutional development of historiography as a subject took place in the second half of the 20th century. Researchers name this process “historiographical renaissance”. The formation of historiographers’ academic community was one of these directions. An academic community is characterized as having the following features: similarity of academic interests; united standards of behavior and cognitive position. The author suggests adding one more feature. It is academic communication between members receiving academic knowledge. In some modern research works academic communication is presented as a result of a community’s activity. The author suggests that academic communication should also be an element forming an academic community. This aspect is the reason for defining the purpose of the present article. To sum up, the meetings aimed to integrate historians interested in historiography. Metropolitan and provincial scholars presented various disciplinary fields in the “sredy”. Also, “istoriograficheskie sredy” were a universal form of academic communication, because its script structure repeated the conference form known to each scholar. Yet these were more localized forms. “Istoriograficheskie sredy” were not the only or main channel of academic communication forming the historiographical community. On the one hand, they impacted patchily on establishing a cognitive position, on the other hand, they promoted the development of the intellectual net of supporters.

REFERENCES

1. Ushakov, E.V. (2005) *Vvedenie v filosofiyu i metodologiyu nauki* [Introduction to the philosophy and methodology of science]. Moscow: Ekzamen.
2. Ogurtsov, A.P. (1993) *Nauchnyy diskurs: vlast' i kommunikatsiya (dopolnitel'nost' dvukh traditsiy)* [Scientific Discourse: Power and Communication (Complementarity of Two Traditions)]. *Filosofskie issledovaniya*. 3. [Online] Available from: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm>. (Accessed: 11th January 2017).
3. Bondarev, V.P. & Boychenko, O.V. (2011) *Struktura i funktsionirovaniye nauchnogo kolektiva (kommunikativnyy aspekt)* [Structure and functioning of a scientific team (communicative aspect)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18 Sociology and Political Science*. 1. pp. 80–97.
4. Korzun, V.P. (2011) *Kommunikativnoye pole istoricheskoy nauki: novye rakursy istoriograficheskogo issledovaniya* [Communicative field of historical science: new perspectives of historiographic research]. In: Alebras, N.N. et al. (eds) *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII–XXI vekov* [History and historians in the space of national and world culture of the 18th–21st centuries]. Chelyabinsk: Entsi-klopediya.
5. Yarkova, K.P. (2007) *Nauchnyy sovet “Istoriya istoricheskoy nauki” Otdeleniya istorii Akademii nauk SSSR (1958–1985): vozniknovenie, deyatel'nost', itogi* [Academic Council “History of Historical Science” of the Department of History of the USSR Academy of Sciences (1958–1985): emergence, activity, results]. History Cand. Diss. Ivanovo.
6. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 1859. (In Russian).
7. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 1871. (In Russian).
8. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 2095. (In Russian).
9. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 2206. (In Russian).
10. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 2311. (In Russian).
11. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1820. List 1. File 369. (In Russian).
12. *Voprosy istorii*. (2005) *Dnevnik akademika M.V. Nchkinoy* [Diaries of Academician M.V. Nchkina]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 119–137.
13. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1820. List 1. File 368. (In Russian).
14. Ursu, D.P. (2010) *Istoriografiya kak tochnaya nauka* [Historiography as an exact science]. *Kharkivs'kiy istoriografichnyi zbirnik*. 10. pp. 99–137.
15. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File *Stenogramma Zasedaniya Gruppy po istorii istoricheskoy nauki ot 11 aprelya 1962* [The transcript of the meeting of the Group on the History of the Historical Science of April 11, 1962].

Received: 28 February 2017